

У утреннего ларька.

Профессор Ван и профессор Мужун с беспокойством посмотрели на Гу Тяньчэна:

- Простыл?

После инцидента с вождением трехколесного велосипеда между ними завязалась довольно крепкая революционная дружба.

- Нет, - Гу Тяньчэн потер нос, испытывая странное чувство. - Не знаю почему, но мне все время кажется...

Что его сын где-то там признал в ком-то дедушку?

Ладно.

Разве такие мелочи важнее жареного риса?

Получив свои порции, троица с радостью погрузилась в еду, не обращая внимания на всякие пустяки.

Они столько времени управляли трехколесным велосипедом - это их заслуженная награда!

А тем временем Нин Шэн все еще мчался вперед, неся Гу Синчжоу.

Он бежал так быстро, что почти превратился в размытое пятно. Поэтому, когда перед ним внезапно выскочил велосипед, Нин Шэн просто не успел затормозить и врезался в него!

На велосипеде никого не было, его хозяин бежал позади. Это был спуск, а Нин Шэн с Гу

Синчжоу бежали вверх - очевидно, хозяин соскочил с велосипеда на полпути, а тот, не успев остановиться, покатился вниз.

Увидев столкновение велосипеда и человека, окружающие разинули рты.

- Тссс! Вот это удар!

- Аж смотреть больно...

В момент столкновения Нин Шэн уже приготовился упасть. Он зажмурился, задержал дыхание. В момент полета его чувства обострились до предела...

Но ожидаемой боли не последовало.

Точнее, он почувствовал, будто упал на какой-то матрас. Этот матрас смягчил удар, так что Нин Шэн лишь слегка коснулся земли.

Нин Шэн открыл глаза и увидел этот "матрас".

Его сердце дрогнуло.

Гу Синчжоу добровольно прикрыл его собой? Почему?

Гу Синчжоу, распластавшийся в качестве живой подушки, смерил его глубоким взглядом темных глаз и с легкой усмешкой спросил:

- Мужчина, ты в меня влюбился?

Нин Шэн:

- ...

- Чего ты добиваешься? - Нин Шэн пристально посмотрел на него.

Если Гу Синчжоу делает ему добро, значит, у него есть скрытые мотивы. В этом Нин Шэн был уверен.

Но выражение лица Гу Синчжоу выдало обиду.

Вот, значит, какого мнения о нем Нин Шэн.

А что, если он скажет, что в тот момент действовал инстинктивно, даже не успев подумать?

Конечно, если подумать... Гу Синчжоу не был совсем уж бескорыстен.

Гу Синчжоу осторожно взглянул на выражение лица Нин Шэна и сказал:

- Я же помог тебе. Может, из жареного риса возьмешь только треть?

Нин Шэн:

- Размечтался.

Гу Синчжоу:

- ... - чёрт, план провалился!

Однако вопрос Гу Синчжоу напомнил Нин Шэну о главном. Он снова подхватил Гу Синчжоу и, не обращая внимания на изумленных зевак и хозяина велосипеда, помчался вперед!

Если не поторопиться, они опоздают на раздачу риса!

Утренний рынок, у трехколесного велосипеда.

Цзянь Юньлань в фартуке ловко выложил новую порцию жареного риса.

Едва рис появился из вока, как в толпе послышалось дружное сглатывание слюны.

- Номера шестьдесят восемь и шестьдесят девять, - сказал Цзянь Юньлань. - Чей рис? Подойдите и заберите.

Толпа зашевелилась. Каждый раз, когда Цзянь Юньлань выносил новую порцию, в людях просыпались первобытные инстинкты, и желающих забрать чужое было немало.

Но большая собака по кличке Пушок, словно обладая каким-то сверхъестественным чутьем, даже несмотря на то, что очередь из-за бега перемешалась, точно определяла, кто влез без очереди, а кто нет.

Цзянь Юньлань позвал трижды, но за рисом так никто и не подошел.

Неужели отстали?

В глазах Цзянь Юньлани мелькнуло сожаление, а глаза окружающих загорелись алчным блеском.

Ура! Минус два конкурента!

Однако, как только Цзянь Юньлань прокашлялся, собираясь позвать следующего клиента...

Из толпы вырвалась стремительная фигура.

Юноша был красив, с холодными, но прекрасными чертами лица, родинка-слезинка у уголка глаза сияла.

В руках он нес одетого в костюм, высокого... человека?

Странно, почему пришло на ум именно слово "нес"?

Эта странная композиция, абсурдная, но с оттенком гармонии, гармоничная, но с оттенком безумия, заставила всех застыть в изумлении.

- Босс Цзянь, рис... - прекрасный юноша остановился перед Цзянь Юньланем, его взгляд дрогнул, а в голосе звучал скрытый фанатизм. - Мой!

Цзянь Юньлань слегка улыбнулся и протянул рис:

- Приятного аппетита.

Взгляд Нин Шэна тут же вспыхнул жаром.

Рис был золотистым и соблазнительным, каждая крупинка отдельная, украшенная креветками и ветчиной, блестящий от масла, источающий густой аромат "умами"!

В его глазах не осталось места ни для чего и ни для кого другого. Вся его голова, весь его мир

были заполнены только этой тарелкой риса и богом жареного риса, который с улыбкой протягивал ему эту порцию - Цзянь Юньланем!

Нин Шэн бросил то, что держал, на землю, освободив руки, и взволнованно принял тарелку с дымящимся золотым рисом.

Он крепко прижал рис к груди, чувствуя небывалое счастье, спокойствие и блаженство.

Гу Синчжоу, которого Нин Шэн просто швырнул на землю:

- ???

К тому же, поскольку Нин Шэн нес его лицом вниз, Гу Синчжоу приземлился именно лицом, со шлепком упав на землю. Его черты исказились, лицо выражало муку.

Гу Синчжоу:

- ...

Кто-нибудь, позаботьтесь о его жизни и смерти!!!

Но вскоре Нин Шэн снова вспомнил о существовании Гу Синчжоу.

Не потому что Нин Шэн вдруг проникся добротой.

А потому что...

- А где шестьдесят девятый? - Цзянь Юньлань все еще держал одну порцию риса. - Шестьдесят восьмой забрали, а шестьдесят девятый чей? Если никто не заберет, пойдём дальше по

очереди.

Услышав это, Нин Шэн быстро поднял Гу Синчжоу с земли, "нежно" стряхнул с него пыль и, словно сокровище, подтолкнул к Цзянь Юньланю, сказав:

- Это рис моего друга, мы вместе стояли в очереди, - он посмотрел на Гу Синчжоу со скрытой угрозой во взгляде. - Правда ведь, друг?

Гу Синчжоу:

- ...Да.

Так Гу Синчжоу тоже получил порцию риса.

Надо сказать, этот рис был действительно божественным. Только что из вока, еще дымящийся, каждая рисинка равномерно покрыта золотистой яичной смесью, полупрозрачная на вид. Зачерпнешь ложкой - рис подрагивает, и густой аромат яиц и "умами" ударяет в нос!

Суть молочно-белого, густого, пузырящегося бульона из ветчины Цзиньхуа полностью впиталась в зерна, поэтому рис был пухлым и маслянистым.

Видны были целые свежие креветки, хрустящие кусочки ветчины, зеленый горошек, кусочки трепанга.

Горячий вкус и текстура, соленый и манящий аромат - от одного запаха живот начинал урчать, хотелось немедленно отправить ложку в рот, жадно жевать, ощущая полное счастье...

Рот Гу Синчжоу наполнился слюной.

Если Нин Шэн был готов пожертвовать всем ради риса, то разве Гу Синчжоу был другим?

Он тоже мечтал об этом рисе столько дней!

Но.

Гу Синчжоу стиснул зубы, зажмурился и протянул тарелку Нин Шэну:

- Нин Шэн, забирай мою порцию. Изначально... без тебя я бы и эту не получил... Я твой должник.

Гу Синчжоу печально улыбнулся.

Он изначально был недостоин.

Почувствовать аромат риса, ощутить его тепло в руках - этого уже достаточно.

Душераздирающее зрелище.

Властный президент, всегда привыкший повелевать, так униженно склонился. Любой нормальный человек проникся бы сочувствием и захотел бы сказать: "Этот рис - твой, ешь сам. У меня ведь еще есть порция".

Поэтому Гу Синчжоу крепко зажмурился и ждал, ждал...

Но Нин Шэн решительно взял рис из его рук:

- Спасибо.

И начал жадно есть.

Он уплетал большими ложками, на его лице было неприкрытое счастье:

- Как вкусно!

Гу Синчжоу:

- ...

Гу Синчжоу с завистью смотрел на рис в его руках.

Помедлив немного, он усмехнулся над собой и повернулся, чтобы уйти.

Оставив миру свою одинокую спину.

Гу Синчжоу подумал, что ему действительно пора уходить. Здесь изначально не было для него места.

Он не принадлежал ни этому месту, ни какому-либо другому. По правде говоря, хоть он и родился с властью и деньгами, легко получая всё, чему завидовали другие, но по-настоящему его никто не любил.

Те, кто льстил ему, преследовали свои цели; подчиненные, помогавшие ему советами, делали это из-под палки; отец его не любил; а Нин Шэн... Нин Шэн никогда не скрывал своего отвращения и ненависти к нему.

После смерти матери у него не стало дома.

Гу Синчжоу однажды представил во сне, что, возможно, когда-нибудь их с Нин Шэном отношения перестанут быть такими уродливыми. Они смогут нормально смотреть друг на друга, не ссориться, просто спокойно есть, выпить по бокалу вина, поболтать.

Но это невозможно. Нин Шэн его ненавидит.

Из таких шумных, радостных сцен он должен уходить далеко-далеко.

(Звучит грустная виолончельная музыка)

Фигура Гу Синчжоу постепенно растворилась в толпе.

Нин Шэн, поглощенный рисом, вдруг, словно ведомый неведомой силой, поднял голову и посмотрел на удаляющуюся спину.

Перед глазами пронеслись картины прошлого: всё тревожное, печальное, лишаящее сна.

Но были и радостные, и веселые моменты.

Весь этот путь: от драки до написания объяснительных, до вынужденных объятий и рукопожатий, а затем погоня за трехколесным велосипедом босса Цзяня сквозь все преграды и бури, чтобы добраться сюда.

Нин Шэн жевал обжигающе горячее, единственное в мире лакомство и думал.

Такое лакомство... Гу Синчжоу тоже должен его попробовать.

Но только один кусочек.

Один кусочек - он не против поделиться.

И вот, Гу Синчжоу, удрученно и одиноко ушедший прочь, чувствуя приступы голода...

Внезапно услышал, как кто-то зовет его по имени:

- Гу Синчжоу!

Гу Синчжоу слегка расширил глаза и обернулся.

Нин Шэн стоял в сиянии ясного дня. Голубое небо расстилалось за его спиной, весь мир казался рамой, обрамляющей его фигуру.

А в центре - Нин Шэн, сияющий Нин Шэн, позвавший Гу Синчжоу.

...Присмотревшись, он понял: светился не сам Нин Шэн.

А ложка в его руке.

В ложке, полной до краев, тяжелой, лежал рис.

От риса шел белый пар, только что из вока, каждая крупинка выглядела пухлой и маслянистой, золотистого цвета, смешавшаяся с ароматом жареных яиц, свежестью креветок, насыщенностью бульона!

Этот рис был словно ярчайший маяк в ночи, указывающий путь всем заблудившимся, жаждущим путникам. Дыхание Гу Синчжоу перехватило, его мир потускнел, остался лишь этот луч света.

Сквозь толпу Гу Синчжоу увидел легкую, почти незаметную улыбку на губах Нин Шэна.

Нин Шэн сказал:

- Рис, дам тебе попробовать один кусочек.

.

На утреннем рынке ларек с рисом был особенным уголком.

Он стоял вдали от других закусовых, не в самом оживленном центре рынка, а в тени большого дерева в углу. Но именно в этом маленьком уголке множество людей, держа в руках рис, счастливо ели, собравшись с однокурсниками, с любимыми, с семьями, со всеми вновь обретенными дорогими узами.

Профессор Ван и профессор Мужун вместе.

Они даже не стали искать место, чтобы сесть, забыв о своем профессорском достоинстве, как и студенты, присели на корточки у обочины и принялись за еду.

Два заклятых врага, враждовавших большую часть жизни, вероятно, лишь в такие короткие мгновения могли спокойно и комфортно сидеть рядом друг с другом, плечом к плечу, и есть этот давно желанный, восхитительный жареный рис.

- Вкусно, очень вкусно, - вздохнул профессор Мужун. - Весь рис, что я ел раньше, по сравнению с мастерством Сяо Цзяня - ничто.

Профессор Ван тем временем украдкой косился на тарелку профессора Мужуна:

- Мужун Цинхэ, дай мне одну креветку из твоей тарелки? Я тебе кубик курицы взамен дам.

Профессор Мужун вскинул бровь:

- Попроси меня!

Профессор Ван:

- Ты...

Он хотел было вскочить. Но тут вспомнил о рисе в руках, торопливо присел обратно, с тревогой проверяя:

- Ай-яй, мой рис, мое сокровище, только бы не рассыпать...

Профессор Мужун посмеивался над ним сбоку.

Смеялся, что ему уже за пятьдесят, а ведет себя как нищий студент-подросток.

Когда-то давно, еще в старой столовой Пекинского университета до реконструкции, они долго копили деньги - два юаня пять цзяо - и купили две порции жареного риса. Тогда Ван Цзяньхуа тоже хотел обменять кубик курицы на креветку Мужун Цинхэ.

Мгновение - и сорок лет пронеслось.

Бэй Ши и Чжан Мо вместе.

Бэй Ши с довольным видом держала рис и уплетала его с таким аппетитом, что забыла обо всем на свете. Они сидели в тени дерева. Чжан Мо присел на корточки и разминал подвернутую лодыжку Бэй Ши.

- Босс Цзянь такой хороший, всегда дает нам контейнеры в форме сердечка, - сказала Бэй Ши. - Ботаник, открой рот.

Чжан Мо инстинктивно открыл рот, и Бэй Ши тут же сунула ему полную ложку риса. Рис был еще немного горячим, но вкус - восхитительный! Рассыпчатые зерна, полный "умами", хрустящие, упругие креветки - хотелось есть еще и еще.

Удовлетворенно проглотив рис, Чжан Мо спохватился:

- Жена, почему ты снова назвала меня ботаником?

Бэй Ши, уткнувшись в тарелку, хитро улыбнулась.

Десять лет назад на встрече первокурсников экономического факультета Пекинского университета Бэй Ши увидела Чжан Мо, сидевшего у окна с книгой, и назвала его ботаником. Тогда Чжан Мо растерянно поднял на нее глаза, и его щеки внезапно покраснели.

Всё изменилось, но казалось, что ничего не изменилось.

Ли Юнь и Ли Минси вместе.

Они взяли по порции риса и ели на ходу, на их лицах было одинаково счастливое выражение. Но Ли Юнь была непоседой. Съев пару ложек своего риса, она не удержалась и заглянула в тарелку Ли Минси:

- Брат, почему твой рис выглядит вкуснее моего?

Ли Минси с улыбкой отстранил её голову:

- Ты всегда так. У нас же совершенно одинаковый рис.

Они были близнецами. С детства всё - еда, одежда - у них было одинаковым, но Ли Юнь всегда интересовало то, что было у Ли Минси. Его рис - она хотела попробовать; его игрушку - она

тайком брала спать; на его рюкзак - она тоже вешала свой бантик.

А Ли Минси уступал ей.

Он хотел ей уступать.

В детском саду маленькая Ли Юнь следовала за ним по пятам, как хвостик, и постоянно звала его "братиком".

Ли Минси никогда не рассказывал Ли Юнь, как в пять лет, беззубый, он с гордостью представлял её друзьям: "Это моя сестренка, правда милая? Я ей даже звезду с неба достану!"

Гу Тяньчэн и Да Хэй вместе.

Гу Тяньчэн медленно жевал рис. Он достал из кармана фотографию. На ней его жена беззаботно смеялась, и эта улыбка не тускнела со временем.

- Да Хэй, - Гу Тяньчэн погладил пса по голове.

Да Хэй лежал рядом, нетерпеливо подняв голову и положив лапы Гу Тяньчэну на колени.

- Я думал, я уже привык, что больше не буду горевать из-за её ухода, - Гу Тяньчэн улыбнулся и достал платок, вытерев уголки глаз. - Но... сегодня, попробовав этот вкусный рис, я вдруг подумал.

- Я подумал, если бы А-Юэ была жива, ей бы наверняка тоже очень понравился этот рис.

Да Хэй поднял голову и пару раз твякнул, не понимая, почему хозяин плачет.

Мин Жогуй и фанаты вместе.

- Сестра Мин, рис просто обалденный! - фанаты тоже держали тарелки с рисом и со слезами на глазах говорили ей. - Мы же говорили, что с тобой всегда можно вкусно поесть!

Мин Жогуй подняла большой палец и показала знак "V".

- Сестра Мин, какие планы дальше?

Мин Жогуй подняла голову к далекому синему небу. Ветер трепал её волосы, в зрачках горел яркий, неприкрытый огонь стремления.

Насколько высоко это небо? Она хотела это увидеть.

- Дальше... - Мин Жогуй съела большой кусок риса и рассмеялась.

Перед ней стояла толстая железная стена - культурные барьеры, расовая дискриминация, непонимание, неодобрение. Множество пальцев тыкали ей в спину, желая заставить отступить.

Но она собиралась разбить эту стену.

Она хотела увидеть, что там, за стеной - бескрайнее синее небо.

Она сказала:

- Для начала достигнем маленькой цели - привезём домой Оскар за лучшую женскую роль, как вам?

Линь Тяньцю и коллеги вместе.

- Поедим риса, а потом может в кино сходим? Я у босса бесплатные билеты выбил, - весело предложил Линь Тяньцю, жуя рис.

- Отлично! - все рассмеялись.

Помнят, как Линь Тяньцю только пришел на работу - стеснительный и робкий, боялся даже громко говорить.

Мгновение - и он уже взрослый человек, способный постоять за себя.

Пять бутылок колы стукнулись вместе, газировка зашипела, пенясь и разлетаясь в воздухе.

У Цюхэ и другие владельцы закусочных вместе.

Они сидели у дороги, тяжело дыша, потные, и смотрели в небо.

- Наверное, все сейчас едят рис, - вздохнула У Цюхэ. - Сегодняшний рис, должно быть, очень вкусный.

Все улыбнулись. Да, они пропустили рис.

Но... не жалели.

Издали показалась бегущая фигура.

Хозяин ларька с лепешками шоучжуабин нес в руках восемь или девять порций риса и раздавал всем:

- Босс Цзянь оставил для вас!

Глаза у всех загорелись. Они взяли рис и переглянулись.

- А ведь мы зря сомневались в этом пареньке.

- Да, а я сначала так недружелюбно на Сяо Цзяня смотрел.

- Эх, старость - не радость, упрямыми становимся, - говорили они наперебой, но к еде не притрагивались.

Все улыбались и взглядами подталкивали У Цюхэ:

- Сестра У, ты наш авангард, ешь первой.

У Цюхэ не стала церемониться, открыла рис, съела большую ложку и подняла большой палец.

Одобрение сестры У!

Все начали болтать, уплетая рис и забыв обо всем.

Десять лет назад У Цюхэ впервые поставила свою тележку с баоцзы у здания "Юаньчжоу Групп". Тогда она была одна. Позже пришли другие: старина Чэнь с цзяньбингоцзы, потом А-У с шоучжуабин, Сяо Лян с соевым молоком и ютяо...

Было шумно и весело. Столько лет они прошли вместе.

- И в новом году, сестра У, надеемся на твою поддержку!

- ...

Цзянь Юньлань по-прежнему умело орудовал лопаткой, подбрасывая рис.

Таоте величественно охранял его.

Окруженный всеобщим счастьем и удовлетворением, Цзянь Юньлань и сам светился мягким, домашним теплом. Его глаза улыбались, в зрачках отражалось ясное небо.

Сожаления прошлой жизни, неисполненные желания - все нашло свое разрешение в этот момент.

...Действительно, торговать на улице - самое счастливое занятие в мире!

День был прекрасный.

Осеннее теплое солнце лилось с неба, ветер играл в дрожащей листве, листья шептались друг с другом.

Один листок, подхваченный ветром, пролетел над смеющейся и шумящей толпой. Он покружился, задержался на мгновение в объятиях собравшейся семьи, скользнул по рукаву идущих рядом друзей, с нежностью промелькнул на ладони влюбленных;

Но затем этот лист улетел дальше. Дальше всего - мимо шумной толпы, мимо хозяина ларька с

рисом в центре толпы и его серебристой собаки, мимо всего этого гула, тишины, кипения...

И упал на ладонь Нин Шэну.

- Ты серьезно сказал, что дашь мне попробовать один кусочек? - не унимался Гу Синчжоу, спрашивая снова и снова.

Его сердце бешено колотилось, кровь бежала быстрее обычного.

Нин Шэн готов поделиться с ним рисом?

Он действительно... не спит?

- Серьезно.

Нин Шэн протянул ему ложку.

Гу Синчжоу взволнованно взял ложку и, не медля ни секунды, отправил рис в рот.

Рис был плотным и упругим. При укусе во рту взорвался непередаваемый вкус "умами".

Золотистые, аппетитные рисинки слой за слоем пропитались бульоном, каждый глоток открывал новые оттенки вкуса - морской привкус креветок, соленость ветчины, и множество других вкусов, наслаивающихся друг на друга. При жевании горячий сок и жир растекались по рту.

Невероятное удовольствие.

В такой осенний день, среди шумной и веселой толпы, съесть такой вкусный рис.

- Вкусно, очень вкусно, - Гу Синчжоу медленно жевал этот кусочек, чувствуя, как глазам становится горячо.

В этом теплом вкусе словно была чья-то теплая рука, крепко державшая Гу Синчжоу во тьме, ведущая его сквозь метель, сквозь долгую темную ночь после смерти матери, сквозь ливень бездомности - к такому солнечному, ясному дню.

И в этом ясном дне стоял Нин Шэн.

Нин Шэн сел рядом с Гу Синчжоу, плечом к плечу. Он тоже держал тарелку с рисом и с удовлетворением ел, все его лицо светилось счастьем.

Гу Синчжоу уже доел свой кусочек, но все еще смаковал оставшийся во рту вкус, с завистью глядя на наслаждающегося едой Нин Шэна.

- Рис босса Цзяня просто восхитителен, как он может быть таким вкусным? - не удержался Гу Синчжоу. - Завтра тоже вместе в очередь?

Гу Синчжоу посмотрел на Нин Шэна и вдруг подумал об этом.

Возможно, они не подходят друг другу как любовники. Они оба были слишком малы, слишком молоды, еще не смогли собрать себя воедино, покрытые шипами, неспособные обняться.

Они не могли быть и друзьями. Потому что Нин Шэн не хотел, ему не нравилось, а Гу Синчжоу был слишком инфантилен, обидчив.

Но Гу Синчжоу не хотел всю жизнь враждовать с Нин Шэном.

Может, создать такой особенный "союз жареного риса" - это неплохо?

Рис босса Цзяня так популярен! Если они объединятся, то точно смогут прорваться сквозь толпу и заполучить его!

Нин Шэн задумался. Действительно, если он сможет съесть еще одну порцию риса, почему бы и нет? Он быстро согласился:

- Завтра тоже вместе.

- Завтрашний рис... можешь съесть два кусочка, - милостиво разрешил Нин Шэн.

Глаза Гу Синчжоу заблестели:

- А послезавтра три?

- Нет, послезавтра - четыре.

- А послепослезавтра - восемь?

Нин Шэн:

- Хм, если в таком темпе, то сколько будет через тридцать дней?

Гу Синчжоу запнулся:

- ...

Ты что, мне тут экзамен по математике устраиваешь?!

Нин Шэн посмотрел на замолчавшего Гу Синчжоу и с удивлением сказал:

- Будет 1 073 741 824. Геометрическая прогрессия. Ты что, даже это посчитать не можешь?

Гу Синчжоу:

- ???

Нет, геометрическую прогрессию он понимает, но как ты это число в уме посчитал?! Аааа!!!

Отчаяние Гу Синчжоу было написано у него на лице.

Нин Шэн рассмеялся от души, его холодные черты озарились весельем. Солнечный свет, падая на его щеки, создавал крошечные блики, похожие на танцующих светлячков.

Нин Шэн снова счастливо принялся за рис.

Гу Синчжоу опустил голову. Он вдыхал аромат риса, рот снова наполнился слюной, но... в его сердце была другая, более важная просьба.

Гу Синчжоу не смел посмотреть на Нин Шэна и тихо спросил, глядя вниз:

- А через десять тысяч дней ты простишь меня?

- ...Я буду стараться извиняться, искупать вину. Через десять тысяч дней мы можем стать партнерами или даже просто друзьями? Не врагами, хорошо?

Нин Шэн помолчал немного.

- Десять тысяч дней - не получится, - сказал он.

Взгляд Гу Синчжоу мгновенно потускнел.

Но в следующую секунду.

Нин Шэн совершенно серьезно добавил:

- При текущей скорости понадобится десять тысяч восемьдесят девять целых шестьдесят восемь сотых дня.

Гу Синчжоу:

- ...

Точность до двух знаков после запятой, да?!

- Хорошо, тогда десять тысяч восемьдесят девять целых шестьдесят восемь сотых дня.

Гу Синчжоу посмотрел на Нин Шэна. Кажется, он никогда раньше не говорил с Нин Шэном так близко, так серьезно и спокойно.

Гу Синчжоу спросил:

- Слово?

- Угу, - кивнул Нин Шэн.

Осенний лист мягко опустился ему на ладонь. Нин Шэн опустил ресницы и сложил руки.

- Слово.

А тем временем.

В [Стриминговой Платформе Мультивселенных], перед всеми стримерами, проходящими испытание в мире "Одержимая Монополия", всё внезапно замерло.

Разбивающийся чайник застыл в воздухе, поднятая рука остановилась на полпути, готовые сорваться с губ слова застряли в горле.

Световой экран развернулся перед тысячами стримов и миллиардами зрителей.

...В штаб-квартире компании "Стриминговая Платформа Мультивселенных", Гун Сьюань, генеральный директор отдела перемещений между мирами, недоверчиво уставился на этот экран и строки текста на нем:

[Динь-дон! Поздравляем стримера [Цзянь Юньлань] с прохождением мира "Параноидальная одержимость", уровень прохождения сюжета 69%, успешно изменена плохая концовка (BE). Новая хорошая концовка (HE) "Союз Жареного Риса Нин Шэна и Гу Синчжоу" разблокирована, скоро заменит текущую временную линию.]

[Стример [Цзянь Юньлань] стал первым испытателем, прошедшим "Параноидальную одержимость", его имя будет вписано в историю.]

[Временная линия мира "Параноидальная одержимость" разблокирована, все жители мира получают право доступа к Стриминговой Платформе Мультивселенных, давайте поприветствуем их прибытие--]

После полусекундной тишины.

Вся [Стриминговая Платформа Мультивселенных] взорвалась!

["Тёмная река, яркий светильник" - Современность / АВО / Ангст]

<http://bllate.org/book/17919/1716737>